МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XXVI Международной научной конференции

(27–30 октября 2015 г.)

Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2016

счастия бежит»; «А он, мятежный просит бури»), и листок, который уподоблен одинокому человеку, страннику («Приюта на время он молит с тоскою глубокой»), и утес («Он стоит, задумавшись глубоко»). Все эти символы Лермонтов оформляет при помощи контраста: «Отворите мне темницу, Дайте мне сияньедня…», «Так перед праздною толпой… сидит в тени певец простой…», «Под ним струя светлей лазури, Над ним луч солнца золотой, А он, мятежный, просит бури… (противопоставление: лазурь, золото – темнота, с которой отождествляется буря). Контраст, кстати сказать, – любимый прием романтиков – и в поэзии, и в живописи и в музыке.

Несомненно, что все эти перечисленные символы являются составляющими авторской картины мира: Лермонтов, например, переживает свое одиночество через природу, отождествляя себя со старым утесом, с одинокой сосной или дубовым листочком. Именно в природе поэт черпает вдохновение. И деревья, и ветер, и буря, и горы и тучки – все они являются одушевленными элементами мировосприятия автора. Байрон же больше сосредоточен на своей личности, следовательно, более эгоистичен, индивидуалистичен, как и подобает англичанину.

Культура Англии более трезва, менее религиозна, менее мистична, чем культура русская, поэтому в стихотворениях Байрона нет религиозных символов, а символ одиночества ограничен рамками человеческого бытия не настолько вписан в контекст природы, как у Лермонтова. Что касается осознания себя в социологическом контексте, то и Байрон, и Лермонтов здесь идентичны – оба презирают законы высшего света, для обоих общество – это праздная толпа с ее холодными, бессердечными представлениями, это нечто меркантильное, пошлое и ограниченное. В свою очередь, общество также отвергает поэта-романтика; в результате, будучи одиноким в душе, он становится одиноким и в реальной жизни. Что касается реакции поэта на такое отвержение, мы можем предположить, что англичанин, оставаясь индивидуальностью, готов бороться, добиваясь признания, в то время как русский человек принимает свое одиночество как единственный выход, погружаясь в мир природы, обращаясь к своим внутренним духовным силам. И этот намеренный уход от жизни общества, вызов ему являются тоже своеобразным символом в контексте русской культуры и в контексте всей культуры Востока, в то время как западный (англо-саксонский) дух, возможно, намерен преобразовать общество волевым путем.

Литература

1. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Совр.ред. М.: ООО «Дом славянской книги, 2008.
2. Квятковский, А. Поэтический словарь. М.: Наука, 1966.
3. Тимофеев, Л.И., Тураев, С.В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Наука, 1974.
4. Микиденко, Н.Л. Символ в национальном самосознании: понятие, функции в обществе: Автореф. дис. … докт.социол. наук. Кемерово: Изд-во Сибирского гос. Ун-та телекоммуникаций и информатики, 2001.
5. Швалб, Ю.М. Философия одиночества. Одиночество женское и мужское. Киев: Наукова дума, 1991.

С.С. Земичева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

МИРОВИДЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗНЫХ ПЕРЦЕПТИВНЫХ НОМИНАЦИЙ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-54-00004 «Языковая личность диалектоносителя: лексико-семантическое поле восприятия»

Данная статья продолжает серию публикаций автора, посвящённых изучению перцептивных номинаций в речи носителя сибирских старожильческих говоров В.П. Вершининой [1].

Цель статьи – исследование образных обозначений ощущений в речи сибирского старожила. Всего проанализировано 160 образных единиц (сравнительных и фразеологических оборотов, метафор), в которых ядерной является семантика восприятия. В качестве источников материала использованы опубликованные словари рядового носителя языка [2; 3], теоретические работы по изучению речи информанта [4; 5] и электронная библиотека текстов, собранных томскими диалектологами, объёмом около 10000 страниц Источниками сопоставительного материала стали словари [6; 7; 8] национальный корпус русского языка (НКРЯ) [9].

Как отмечалось в [2: 89], количество образных единиц отражает иерархию разных подсистем восприятия: бо'льшая часть номинаций характеризует зрительные ощущения (цвет – 16 обозначений, свет – 15, собственно зрение – 2; многочисленны также образные характеристики размера (47) и формы (39), которые относятся не столько к перцептивной, сколько к пространственной лексике); несколько меньшее число образных единиц относится к сфере тактильности (26). Образных обозначений звуковой сферы 8 (при этом за пределами исследования остались характеристики речи человека, т.к. в их семантике преобладает коммуникативный, социальный компонент, а не собственно звуковое значение). Образные обозначения вкуса (4) и запаха (1) единичны. Такая иерархия несколько отличается от анализа свободных употреблений номинаций восприятия (где обозначения звука более частотны по сравнению с обозначениями тактильности). Причиной является, вероятно, не только исключение номинаций речи, но и тот факт, что для звуковой сферы характерна особая образность (речь идёт о звукоподражаниях, основанных на слуховом перцептивном образе и составляющих около половины всех номинаций звука в идиолексиконе. Используя их, говорящий опирается не на эталон, а на непосредственное воспроизведение слышимого с помощью звуков речи. Изучение звукоподражательной лексики в идиолекте – задача отдельной статьи). Не исследовались также собственно образные слова (поднебесный – ‘голубой’, окаменеть – ‘стать твёрдым, как камень’), т.к. их образный характер в большинстве случаев не осознаётся информантом.

Анализ образных номинаций позволяют описать эталоны перцептивных признаков, хранящиеся в сознании информанта. «Эталон на социально-психологическом уровне выступает как проявление нормативных представлений о явлениях природы, общества, о человеке, их качествах и свойствах» [10: 43].

Эталоны перцептивных признаков чаще всего совпадают с общерусскими: для чёрного цвета это уголь, смола, головёшка, галка; для белого – снег, для жёлтого – яичный желток, репа [5: 90]. То же касается и других зрительно воспринимаемых свойств (блеск, прозрачность). Так, эталонами свойства «прозрачность» являются, как и в литературном языке, слеза, стекло, лёд: А ки'слица! – ой, пойдёшь – как слеза прямо це'ла ветка; А кото'ры простерилизовала [огурцы], те лучше. Прямо как стеклянный рассол!Блестящие предметы сравниваются со звёздами, а также характеризуются при помощи фразеологического оборота как жар гореть, имеющего народно-поэтическую окраску: И там всё была эта, брошка ли кто ли она там? <…> Таки', ну как звёзды, эти камушки, прямо откак жар горят! Типичной для диалектоносителя можно считать и позитивную оценку блеска как свойства предметов. Многочисленны образные характеристики сияющих, блестящих глаз человека: как искры, как огни, как сияли, как у я'стрепа: Глаза дак у его прямо как огнигорели; От этот Лексе'й сидел у меня, <...> да глаза-то как у я'стрепа прям, ясны таки', да взра'чны да…

Такое свойство, как бледность, диалектоноситель оценивает отрицательно, о чём свидетельствует внутренняя форма сравнений как покойники, как мёртвый. Интересно отметить, что эти характеристики в речи В.П. Вершининой не относятся к человеку: Они [не поджарившиеся голубцы] как покойники у меня; Он [о цветке лиловой фиалки] мне не гля'нется. Низкий какой-то, и свет такой неяркый. <….>Как мёртвый. В литературном языке ассоциативная связь смерти и бледности также присутствует, но при этом сравнение бледный, как покойник характеризует только человека: Я посмотрел на Феликса. Феликс был бледен, какпокойник. Наверное, он тоже все понимал [9]; Он сидит в ресторане, весь бледный какпокойник, пьет лимонад и не знает лучших людей в обществе [9])

Зачастую диалектоноситель сравнивает предметы сразу по нескольким признакам: Я покрасила пол-то [красноватой краской], а он не блестит,как кирпичом натёртый. А я думаю, с лаком, может, полу'чче было [бы]…; Она [краска для пола] как кирпичом намазано было, у ей ни блеску, ничё не было, она давно'шна. Сравнение с кирпичом в данном случае имеет значение ‘красноватого цвета, матовый, не блестящий’ [4: 187].

Среди обозначений формы также преобладают общерусские эталоны (круглый как колесо, кольцо, калачом; овальный – как яйцо; треугольный – клинышками, конусом; имеющий специфическую форму – как груша/грушка, крючком, сердечком, под вид колокольчика).Наряду с ними представлены и диалектные эталоны формы. Так, шарообразный предмет в сознании носителя диалекта соотносится с картошкой: Вот, как картошка [нарывы], долго ешо' выходили… Осколки уж дома выходили (сочув.). Неожиданным объектом сравнения при характеристике вытянутого прямоугольного предмета становится столярный инструмент: А такой сахар был, рафинад такой кусочек – ну как подпилочек такой, до'лгенькый. Имеются сравнения, включающие диалектные номинации: Лена купила пиися'т крышек. А они большева'ты, каки'-то брако'вошны, видно: завёртываешь-завёртываешь, а там как фонбора' изде'латся; А потом это, проверили, а у меня это вилю'шкими всякими [кардиограмма]; (фонбора – ‘оборка’ [2: 256];вилюшкими – ‘в виде извилистой линии’ [2: 123]).

Эталоны размера также могут быть общерусскими (игрушка/игрушечка – о маленьких предметах; горох – о мелких плодах). Ряд сравнений, в которых плоды соотносятся с животными, видимо, имеют просторечную основу: Кака' больша' [ягода], здоро'ва… как корова; «А в октябре копать – они [картошки] ши'бко вырастают больши'. С коровью голову!»; Она моркови принесла – так… от таки' [показывает]… да от таки' толшыной, как… не знаю… битюки' [показывает] (битюг – ‘о рослом, сильном человеке’ перен.; прост. [11]).Диалектоноситель вербализирует и процесс подбора сравнения («не знаю», пауза, жест), что говорит о стремлении подыскать образный, выразительный эталон, передающий интенсивность признака.

Маленькие овощи, грибы сравниваются с яйцами насекомых, детёнышами мыши, что создаёт коннотацию неодобрения (т.к. объекты сравнения – вредители): Ну, они [помидоры] ши'бко ме'лки, как гнидки; а это… хоро'ши таки, «адеа'л» были картошки. А но'нче я покопала – там от таки' [мелкие], как мышата кра'сненьки. Данные сравнения отсутствуют в словарях литературного языка, как и в НКРЯ, и, вероятно, относятся к диалектным [4: 174], хотя вписываются в общие представления о насекомых и о мышах как о небольших животных (ср. имеющиеся в литературном языке фразеологические обороты гора родила мышь, сделать из мухи слона и др.).

Часто диалектоноситель использует сравнения, характеризующие одновременно форму и размер. Так, крупные овощи цилиндрической формы сравниваются с банкой, крупные грибы – с тарелкой, маленькое круглое печенье – с монетами: И перец [болгарский] от такой накла'ла, как банки литро'вы; Ну и вот косишь, трава хоро'ша, а там вот таки' грузди, вот таки'. Вот как тарелки больши' не'которы; А ты ел, Аня печенье покупала? Ме'ленькы. Как червончики таки' [о крекере]. В словарях из названных зафиксировано только сравнение как тарелка [4: 226].

В сфере звука образную номинацию получают как звуки человека (пение, плач, дыхание), так и звуки артефактов (двери, радио), а также тишина (отсутствие звука). Специфическими являются обозначение громкого пения с помощью фразеологического оборота: Долбили лёд ходили, дак мы встаём прямо рано и поём – а'жно деревня раскалыватся. Вероятно, диалектный характер имеет и сравнение хриплого дыхания со звуками типичного народного музыкального инструмента: Прям ты разговариваешь, а у тебя там как гармонь [хрипит в груди]. Своеобразны и образные номинации тишины (фразеологизмы, основанные на рифмовке; ср. общерусскоени звука): А у меня коромысло там лежит в се'нкав-то, чёрт сбросил – упало. И больше ни стуку, ни звуку не было; Ти-ихо, ни ветринки, ни шуминки, никого нет. Использование номинаций звуков человека для обозначения звуков неживых объектов является типичным: Уа-а-уу! Голосом ревёт [дверь]; погоду-то хотела [узнать], а радио заикало, заикало, заикало, да так и… не послушала; Радио всё ика'т, ли чё ли? Обратный перенос (из сферы «животные» в сферу «человек») придаёт речи сниженный характер, типичный для просторечия: Она [печь] как начало'

дымить! <…> Ой, я прям –чуть не вою: опе'ть разбирать да клась. Отметим, что употребление глагола выть для обозначения громкого, сильного плача достаточно частотно в речи исследуемой личности (21 контекст).

В сравнениях по тактильным свойствам эксплицируются традиционные общерусские эталоны твёрдости (камень, дерево, железо, кость). Примеры фиксируют и процесс выбора подходящей образной единицы, осуществляемый в спонтанной речи: А счас посмотрела – он [разведённый сахар], не поверишь… как… ну как чё? Ну как железо.

Вместе с тем обращает на себя внимание несовпадение с общерусскими эталонами в сфере тактильного восприятия. Так, эталонами твёрдой земли в речи сибирского старожила становятся кирпич, палка: Жёстка земля. Как спрессована. Как кирпич. У сравнения как кирпич словари фиксируютзначения ‘тяжёлый’, ‘красный’ [6: 249]. Можно предположить, что признак ‘твёрдый’ появляется благодаря связи свойств ‘твёрдость’, ‘тяжесть’ (как правило, тяжёлые предметы являются и твёрдыми), а также связи понятий ‘кирпич’ и ‘камень’ (первое как разновидность второго). Не совсем типично и сравнение твёрдой земли с палкой: Она всё равно жёстка земля-то, как… палка. Словарь В.М. Огольцева фиксирует значение ‘твёрдый, жёсткий’ для сравнения как палка с пометкой ‘о предмете, напоминающем палку по форме’ – в примерах речь идёт о пальцах, хвосте собаки, колбасе [6: 448–449]. В речи диалектоносителя сфера применения сравнения шире (характеристика твёрдой поверхности).

Многочисленны сравнения, характеризующие жёсткую, твёрдую пищу, особенно – выпечку. Используются в том числе диалектные лексемы в качестве объектов сравнения: [о твёрдых пряниках]: От есь поскрёбыши, как раньше называли – ква'шню выскребут, да поскрёбный калачик испекётся – раскусить нельзя! Общерусское сравнение как дублёный ‘огрубелый (о коже лица и т. п.)’ [12] в речи диалектоносителя также относится к характеристике пищи: Она, видно, пожалела, масла-то поло'жить [в тесто] – я-то помногу лью! <…> Она поло'жила в печку, стала печь [пироги] – они вот таки' сидят, как дублёны там. Вих жиров-то нет. Позитивную оценку имеет сравнение свежего, пышного хлеба с пуховой подушкой: Лу'чче булочку хлеба купить, дак всё равно хороший хлеб. Дорого дак мило. Я но'нче поцеловала хлеб: ой! Как от подушка пухо'ва! Ой, какой размилый. Необычен в данном случае субъект сравнения (хлеб). Образность усиливается и за счёт использования эпитета пуховый. Словарь В.М. Огольцева фиксирует употребление сравнения как подушка по отношению к частям тела; однако, несомненно связь подушка – ‘мягкость’ есть в русской языковой картине мира, ср.: Облако было мягким как подушка, и щенок даже потянулся от удовольствия. (Андрей Курков. Великое воздухоплавательное путешествие) [9].

Одно и то же сравнение может приобретать разные коннотации в зависимости от контекста, например, сравнение как камни, регулярно используемое В.П. Вершининой: Под крышей [цемент] лежал всё, Лида, а пошто'-то задеревенел. <…> Как камень он изде'лался (оценка негативная); Хоро'ши кото'ры вилки'[капусты], прям таки', туги' таки' как камни(позитивная оценка, т.к. для овощей плотность означает соответствие норме).

Эталонами консистенции в речи крестьянки выступают, как правило, продукты питания (каша, кисель, сметана, студень, холодец), что соответствует общеязыковым закономерностям. Загустевший, твёрдый мёд диалектоноситель сравнивает с воском: А уих сахар приготовленный в мёд лить. А он [мёд] сде'латся такой – как чё? Как воск. Ничем не сде'лашь, хоть топором руби. В контексте используется сразу 2 образных единицы. Снова вербализуется процесс поиска эталона («как чё?»). Сравнение является нетипичным: в общерусских представлениях зафиксирована ассоциативная связь воск – ‘мягкий’ [6: 110]. Развёрнутая метафора хоть топором руби усиливает признак ‘твёрдый, густой’. Сравнение как стеклянный для характеристики гладкой поверхности является общерусским [4: 223]: Ага, он насадил [лопату] – вот как стеклянный черешок. Папенька родимый, выстрогал, да – прямо гладкый ши'бко!

Температурные эталоны являются, в основном, общерусскими. Высокая температура соотносится с баней, низкая – со льдом. Эти эталоны отмечены в словаре В.М. Огольцева [6: 42, 610-611]. Вероятно, общерусским является и сравнение температуры помещения с температу-

рой пространства за его пределами: От в избе тепло, а пойду туды' [в подполье] – там прям… как на улице. Морози'на.Ср. примеры из Национального корпуса:В штабе было так же, как на улице – чуть выше нуля; Почему-то беспокоило, что не заткнул окна сеном, – через полчаса выстудится избушка, в ней станет холодно, как на улице [9].

Выразительно используемое диалектоносителем сравнение холодного пола со снегом: А там [в бане] как всё равно на снег стаёшь. Ши'бко холодно. Пол холодный уих. Возникновение сравнения как на снег обусловлено, во-первых, сходством пространственного положения субъекта и объекта (то, что под ногами у человека); во-вторых, ассоциативной связью лёд – снег. Вероятно, сравнение диалектное, хотя лежащие в основе сравнения представления типичны. Сравнение как снег ‘о чём-либо холодном’ не фиксируется словарями; сочетание холодная, как снег имеет лишь 1 употребление в корпусе русского языка: А береза у крыльца была белой, белой и холодной, как снег [9]. Природным эталоном тепла выступает солнце: Придёт ночует у меня – тепло. «Ой, я как на солнце ночевала». В данном случае диалектоноситель цитирует чужую речь; представления о солнце как источнике тепла, несомненно, есть в картине мира диалектоносителя (так, в её речи зафиксировано сравнение как кра'сно солнце обогреть – ‘о желании сделать добро людям’), однако сравнений как солнце, как на солнце в словарях не зафиксировано; в НКРЯ такие сравнения характеризуют что-либо блестящее, сияющее (а не пространства с высокой температурой).

Эталоны вкуса совпадают с общерусскими:сладкий вкус соотносится с сахаром, горький с редькой.Специфична образная характеристика чрезмерно солёного вкуса: «О, ты насолила [поджаренный фарш], как селёдку!» [говорит родственник].В последнем случае сравнение подразумевает рыбу, заготовленную солением, обладающую специфическим вкусом. Предположительно, оно имеет общерусский характер (хотя словарями не фиксируется; ср.: До самого неба вода и больше ничего. И солёная, как селедка… Почему солёная? Дождик ведь пресный и ручеек в лесу, который все время подливает в море воду, тоже пресный. А? [9].

При обозначении запаха образная единица номинирует процесс его воздействия на человека, включая дополнительную сему ‘интенсивность’: Ешо' от этой мази. Пахнет от неё плохо, прям в нос бьёт. Используется общерусская образная единица.

Подводя итоги, можно отметить следующее. 1. В перцептивной картине мира диалектоносителя важное место занимает образный компонент. Чаще всего используются образные сравнения, реже – фразеологические единицы и метафоры, что соответствует особенностям лексикона в целом [4]. Отмечены образные номинации для всех сфер восприятия, их количество отражает иерархию последних.

2. В спонтанной речи отражается процесс поиска, «подбора» подходящего эталона. Достаточно часто диалектоноситель использует сравнения, цитируя чужую речь, на основании чего можно предположить, что источниками образных выражений являются как жизненный опыт самого говорящего, так и речевые стереотипы коллектива.

3. Диалектоноситель использует как общерусские, так и диалектные образные единицы с семантикой восприятия. Специфические отличия от стереотипов литературного языка выявлены при характеристике тактильных свойств, звука, а также формы и размера (воск как эталон густого вещества, гармонь – хриплого голоса, мышата, гнидки – маленького размера, картошки – шарообразной формы и др.). Чаще всего диалектные единицы опираются на общерусские представления, но имеют специфическую форму выражения (бледный цветок как мёртвый, твёрдая поверхность как палка, в тёплом помещении как на солнце). В отдельных случаях используются диалектные номинации (фонбора', вилю'шками и др.), в том числе отражающие специфические реалии крестьянской культуры (поскрёбыш – ‘хлебец, испечённый из остатков теста’ [2: 153]).

4. Для сравнений диалектной языковой личности характерен синкретизм (характеризуются одновременно форма и размер, форма и функция, цвет и характер поверхности, цвет и консистенция и т.п.).

5. Образные номинации зачастую связаны с оценкой, причём знак последней определяется как внутренней формой обозначения, так и контекстом. В разных контекстах одно и то же сравнение может получать противоположные коннотации.

6. Как и в русской ЯКМ, обращает на себя внимание универсальность эталонов: в разных ситуациях актуализируются разные семантические признаки одного и того же предмета.

Литература

1. Кузнецова, С.С. Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2015.
2. Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой, Т. 1–4. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2006–2012.
3. Иванцова, Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2005.
4. Волкова, Т.Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2004.
5. Иванцова, Е.В. Отражение языковой картины мира в сравнениях диалектной личности / Е.В. Иванцова, Т.Ф. Волкова // Вестник Том.гос. ун-та, Т. 268. Томск, 1999.
6. Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: Русские словари. АСТ. Астрель, 2001.
7. Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс].
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой, 4-е изд., стер., Т. 1–4. М.: Рус.язык, 1981–1984 [Электронный ресурс].
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс].
10. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб.пособие. М: Academia, 2001.
11. Битюг //Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова [Электронный ресурс].
12. Дублёный // Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой [Электронный ресурс].

А.А. Зотова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФРАНЦИИ И РОССИИ В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ НЕДЕЛИ ФРАНЦУЗСКОГО КИНО)

Россию и Францию долгие годы связывают многовековая дружба и сотрудничество. С рождением кинематографа многие задавались вопросом, является ли кино искусством или же это средство для подробного воспроизведения реальности. 28 декабря 1895 года, братья Луи Жан и Огюста Мари Люмьер показали миру свой первый фильм в Париже в Гран-кафе на Бульвар-де-Капюсин. С тех пор именно эта дата считается днем рождения кино. Коммерческий успех изобретения был огромен на столько, что оператор фирмы «Люмьер» Камилл Серф и его команда приехали в Россию снять коронацию Николая II, где ими даже была зафиксирована давка на Ходынском поле, но пленку в скором времени забрали. Сюжет о коронации Николая II считается самой первой киносъемкой в истории России. Интересен тот факт, что слово «кинематограф» употребляется и в старой форме – синематорграф от устаревшего cinématographe, от названия одноименного аппарата братьев Люмьер, положившему начало коммерческому использованию кинематографа.

В свою очередь, Россия также занималась продвижением российского кино в мире. Начиная с 1924 года, компания «Совэкспортфильм» (сейчас «Роскино») вовлекала отечественные произведения в мировую киноиндустрию: она осуществляла деятельность за рубежом, выпускала журнал «Советский фильм», который переводился на многие языки мира, в том числе, и на французский. В Советском Союзе в прокат выходило немногим больше двух сотен фильмов в год. Все фильмы проходили серьезный идеологический отбор. Среди стран «капиталистиче-